

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.114-121
УДК 393 (571.54)

С.Г. Жамбалова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: zhambalovas@yandex.ru*

Традиционные типы погребения бурят: динамика и стереотипы

Сравнительное изучение погребения бурят разного возраста и статуса базируется на характеристике степени их мобильности, динамике и стереотипах, которые понимаются здесь как механизм консервации инвариантного ядра культуры. Выявляются зоны инноваций, возникающих в ходе рекомбинации элементов традиции или под влиянием извне. Специфика погребений демонстрирует механизмы адаптации социума к природно-климатическим условиям и историческим обстоятельствам. Выявлены два традиционных типа погребения ординарных людей: наземное под прикрытием с сопроводительным инвентарем и кремация. Они были распространены на всей этнической территории. Присоединение к России и распространение буддизма привели к появлению в Байкальском регионе двух крупных субрегиональных общностей бурят, различающихся прежде всего религиозной принадлежностью, – шаманистов Предбайкалья и буддистов Забайкалья – и к изменениям в погребении ординарных членов социума. Под влиянием русской культуры получила распространение ингумация в гробу. Буддизм, практиковавший кремацию духовенства, сделал данный тип невозможным для мирян. В Предбайкалье начала преобладать кремация, которая в Забайкалье исчезла. Выделились два подтипа наземного погребения – шаманистское и буддистское. В Забайкалье получило развитие последнее. Выявлено несколько типов погребения детей: воздушное, кремация, наземное обоих подтипов и ингумация. Приведены описания стереотипных захоронений и меморизации шаманов и буддийского духовенства. В результате исследования установлено, что одна линия развития демонстрирует динамику погребения ординарных людей, которая дает возможность этносу вписаться в глобальный мир; другая манифестирует стереотипность сакрального погребения, позволяющую сохранять традиционное ядро культуры. Обе линии развития обеспечивают сохранение бурятского социума в пространственно-временном континууме.

Ключевые слова: буряты, погребение, меморизация, типы, динамика, стереотип.

S.G. Zhambalova

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sakhyanovoy 6, Ulan-Ude, 670047, Russia
E-mail: zhambalovas@yandex.ru*

Traditional Buryat Burials: Changes and Stereotypes

Buryat burials are described with regard to the age and social status of the deceased. Changes and conservative features are evaluated, and cultural stereotypes are discussed. Certain novel traits are due to a recombination of traditional elements; others are caused by external stimuli. Environmental adaptations and the role of cultural factors are assessed. There are two traditional types of low-ranking burials: above-ground under cover with accompanying goods; and cremation. Both were practiced throughout the Buryat ethnic area. Its inclusion in the Russian Empire and the spread of Buddhism resulted in the emergence in the Baikal region of two major religious groups—shamanists in the cis-Baikal area and Buddhists living east of Lake Baikal. Changes affected burial practices as well. Under the impact of the Russian tradition, inhumation burials in coffins emerged. Under Buddhism, only members of clergy but not lay persons were cremated. Cremation became the principal rite west of Lake Baikal, while having disappeared east of it. Two types of the above-ground burials became common—shamanist and Buddhist. From that time on, ground burials can be divided into two subtypes—shamanist and Buddhist, the latter being predominant in the Trans-Baikal region. Burials of children fall in several categories—suspended, cremation, both types of above-ground, and inhumation. Burials and commemoration practices relating to shamans and the Buddhist clergy are described. One evolutionary line demonstrates changes in burial practices concerning ordinary people and contributing to the integration of the traditional culture into the outside world, another line highlights the sacral stereotypes, preserving the core of the traditional culture. Both opposing lines maintain the integrity of the Buryat ethnic tradition in both space and time.

Keywords: Buryats, burials, memorization, cultural stereotypes, cultural changes.

Введение

Статья представляет новый вариант типологии погребения бурят. Ее задачи – показать специфику захоронения бурят различных возрастных групп и социального статуса, выявить инновации, возникающие в ходе перекомбинации элементов традиции или под влиянием иной культуры, проследить границы внедрения новшеств в традиционную систему.

Погребальная обрядность сохраняет консервативную форму стереотипизации общественного опыта [Семенова, 2006, с. 9]. С одной стороны, ей присуща архаичность, сохраняющаяся в погребении сакральных лиц и в идеологических представлениях; с другой – на нее оказывают влияние социально-экономические процессы, порождая социальную динамику. Среда обитания содействовала возникновению региональных типов погребения у бурят. Они проживают на территории с превашированием то лесостепной, то степной зоны. Климат таков, что земля полгода мерзлая. Немалую роль играла низкая плотность населения. Специфика типов погребения обусловлена также традиционным мировоззрением, шаманистским, а затем и буддистским.

Хронология исследования охватывает исторические процессы после присоединения Бурятии к России с трансформацией всех сфер жизни. Здесь важны административное закрепление родовых территорий, сокращение «породных земель»* и кочевых маршрутов, постепенная седентаризация. В этих же временных рамках происходило распространение у бурят буддизма, инновации которого вписывались в традиционный пласт культуры. Его постулаты коренным образом изменили мировоззрение, картину мира и представления о смерти. Эти события привели к появлению в Байкальском регионе двух крупных субрегиональных общностей бурят, различающихся прежде всего религиозной принадлежностью, – шаманистов Предбайкалья и буддистов Забайкалья, которые в свою очередь дробятся на более мелкие, каждая со своими характеристиками. Известно, что часть бурят практиковала двоеверие (шаманизм и православие), другая троеверие (шаманизм, православие, буддизм). Для создания типологии применяется формализованный подход, способствующий рассмотрению темы в синхронии на уровне Предбайкалья и Забайкалья. В статье затрагиваются также сюжеты сохранения типов погребения в советское и постсоветское время. Их единообразие в дороссийский и добуддийский периоды на всей этнической территории актуализирует концепцию о наличии единой культуры этноса, доказанную ранее, напри-

мер, Е.М. Залкиндом [1958, с. 166, 169]. При активизации в современной Бурятии нового трайбализма работа, верифицирующая идею исторического единства народа, актуальна.

Изучение темы затруднено отсутствием визуальных следов, т.к. буряты, монголоязычный народ, не оставляли ярких погребальных сооружений и надмогильных памятников. Работа базируется на полевых материалах автора и А.С. Суворовой. Используются также опубликованные этнографические сведения и археологические данные. Привлекаются архивные материалы, в частности, рукопись Б.Б. Бамбаева «Описание погребального обряда и его происхождения» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13).

Историография вопроса

Несмотря на то что нет монографического исследования погребальной обрядности, ее историография обширна: специальные статьи, упоминания в этнографических и археологических работах общего и локального характера и др. [Суворова, 2014, с. 4–9]. Однако работ о типах погребения немного. В рукописи Б.Б. Бамбаева отмечается: «...погребальная обрядность недуховных лиц отличается в деталях. Главный фактор – характер населяемой местности. В степных местах надземное погребение без гроба; в каменистых горных местах сооружения над могилой каменной кучи; в лесных местах сожжение трупа, предание земле в гробу с сооружением надмогильного бугорка или надземное погребение в срубках» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 31).

Т.М. Мастюгина, изучавшая похоронную обрядность бурят, разграничила ее специфику у шаманистов и буддистов. Ею выделены традиционные способы: оставление умерших, в т.ч. детей, на поверхности земли; погребение шаманов на помостах, *арангасах*; кремация шаманов и простых людей. При трупосожжении останки оставляли для утилизации хищниками. Погребение в земле на кладбище появилось под влиянием русских. Т.М. Мастюгина отметила, что буряты-буддисты покойных предают разным стихиям (земле, воде, огню, воздуху и дереву) в зависимости от времени года, места смерти и социального статуса [1980, с. 91–93, 96].

Л.Р. Павлинская на материалах окинских бурят и сойотов выявила три типа погребений: наземный (на земле, на земле под сухими деревьями или под каменной кладкой), воздушный (на дереве) и сожжение. Ингумации, по ее мнению, у народов Сибири не было [Павлинская, 2002, с. 240]. Типологию древнебурятских захоронений предложил Н.В. Именохоев. Он выделил скальные, грунтовые, воздушные, кремацию [Именохоев, 2010].

*В XIX в. земли, на которых кочевали отдельные рода.

Вариант типологии погребений бурят представлен в диссертации А.С. Суворовой, написанной под научным руководством автора [2014, с. 15–16]. Стереотипы погребения шаманов и буддийских священнослужителей рассмотрены в совместных статьях [Жамбалова, Суворова, 2013, 2015]. При подготовке монографии выяснилось, что тема требует доработки. В данной статье представлены новые материалы, их анализ и полученные результаты.

Типы погребения ординарных людей

Первый тип традиционного погребения бурят – наземный. Он бытовал, видимо, на всей этнической территории. Как наиболее приемлемое для степи наземное погребение практиковалось бурятами задолго до распространения буддизма, но под влиянием последнего получило новый виток развития, который привел к образованию двух подтипов. Первый – традиционное наземное захоронение добуддийского периода. Т.М. Мастюгина считает, что это типичная форма погребения предбайкальских бурят в XVII–XVIII вв., исчезнувшая в середине XIX в. [1980, с. 91]. Существование данной практики в регионе подтверждается археологическими материалами. В Предбайкалье на могильнике Елга XII из восьми вскрытых бурятских комплексов два – наземные захоронения, на могильнике Елга XIII из семи пять – наземные камеры, примыкающие к скальным выходам [Харинский, 2006, с. 180, 192, 194–195].

Гипотеза о том, что у бурят Предбайкалья и Забайкалья до распространения буддизма бытовали схожие типы погребения, корреспондирует с мнением Б.Б. Бамбаева. В 1928–1929 гг. он подмечает принцип внедрения буддийских инноваций: «... в течение нескольких десятков лет совершенно незаметно для населения изменили прежний обряд погребения. Вернее, создали его на основе прежнего обряда» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 41). Далее он пишет: «Мне с большим трудом удалось найти старика... По его словам, в старину, когда забайкальские буряты были еще шаманистами, у покойников умывали лицо, чесали косу, одевали его в любимую одежду. Пристегнув к нему его лук, стрелы с колчаном и меч, снабдив его огнивом, ножом, табаком, курительной трубкой, а если женщина – иголкой, ножницами, увозили, посадив верхом на его лошадь. По прибытию на место погребения снимали, клали на потник головой на северо-восток лицом вверх, под голову клали седло правым боком, или в лесных местах хоронили в срубках. Варили в котле чай и брызгали его во все стороны, чтобы земля приняла его, оставляли при покойнике котел с чаем. Убивали коня на могиле покойника или привязывали его к колу с тем, чтобы че-

рез некоторое время издох. Только не оставляли узду» (Там же, л. 41–42).

Специфика труположения, наличие погребального инвентаря, надмогильные покрытия технически характеризуют добуддийское наземное погребение как более сложное, чем буддийское. Материалов об открытом оставлении покойных на поверхности земли в то время нет. В XIV–XV вв. насельники Приольхонья, этническая принадлежность которых все же гипотетична, для усопшего пристраивали к скале конструкцию четырехугольной формы из камней [Харинский, 2006, с. 189]. Археологические данные корреспондируют с этнографическими материалами. В конце XX – начале XXI в. у окинских бурят обнаружены десятки погребений под каменной кладкой. Они расположены на южном склоне отвесной скалы, ориентированы по линии север–юг [Павлинская, 2002, с. 236–237].

Бурятское кладбище и наземное захоронение под прикрытием называют *дараан*. Б.Б. Бамбаев, работавший в школе у кабанских бурят-шаманистов в 1920 г., пишет: «До последних лет у кударинских бурят покойника не зарывали в землю, а обкладывали досками и над ним сооружали большую кучу из деревьев... не так давно на могиле клали кучу камней, называемую “дараан” или делали земляной бугорок, называемый “булаша”» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 39). Погребение на земле под сухими деревьями существовало у восточно-саянских бурят. В их похоронном обряде заметно соединение шаманистских и буддистских традиций, характерное для периферийных регионов Бурятии [Павлинская, 2002, с. 236, 241]. При наземном погребении покойника, лежащего на правом боку с правой рукой под головой, с согнутыми ногами, заворачивали в красную или желтую ткань (цвета тибетского буддизма), накрывали сухими деревьями. Иногда тело оставляли в тайге, положив на землю на войлоке, сверху закрывали сушняком. Сани, на которых везли усопшего, разрубали и набрасывали сверху. Коня убивали и оставляли рядом. Тело старались увезти в места, где водились хищные звери, чтобы душа покойного быстрее отошла к предкам [Там же, с. 236–237, 241].

Буддизм откорректировал наземный тип погребения, привнес принципиальные в идеологическом плане инновации. Технологическое упрощение обусловлено буддийской концепцией о жизни и смерти, о теле и душе. Оно было характерно для других буддистов Сибири. У тувинцев завернутый в ткань труп оставляли на земле без погребального инвентаря, укладывая на спине или на боку в позе спящего [Дьяконова, 1980, с. 116–117]. Длительное сохранение данного способа погребения, несмотря на протест Российского государства и Русской православной церкви, Г.М. Осокин связывал с буддизмом. По его

словам, хоронили на поверхности земли по приказанию лам, которые вычитали в книгах, что этот человек должен быть погребен именно таким образом [Осокин, 1906, с. 219].

В Забайкалье данный способ был широко распространен в XIX – начале XX в., а в виде реликтов до середины XX в. У агинских бурят он продолжал активно практиковаться в советское время, что обусловлено воззрениями о возможности скорейшего возрождения [Цыденова, 2007]. Погребение на земле тела, завернутого в ткань, либо в тканевом мешке или тонком дощатом гробу зафиксировано археологами в южных степных районах Бурятии во второй половине XX в. [Именохоев, 2010, с. 30]. В 1929 г. Б.Б. Бамбаев, побывав в экспедиции у закаменских бурят, отмечал живучесть обычая (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 49). Из рассказов информантов следует, что оставление на земле тел взрослых продолжалось примерно до 1940-х гг., реже наблюдалось в 1950-х гг. Есть свидетельства о такой практике в Кижингинском р-не Республики Бурятия в середине XX в. В фильме Н.С. Михалкова «Урга – территория любви» демонстрируется бытование традиции во второй половине XX в. у монголов Внутренней Монголии.

Наземное погребение буддистов сопровождалось сложными ритуальными действиями, проводившимися ламами. Идентичность погребального обряда у монгольязычных буддистов подтверждается следующим материалом. В начале XX в. у алтайских урянхайцев это был единственный способ погребения (*ил тавих*). Покойного выносили из юрты, приподняв стену, отвозили в специально выбранное намоленное место. Местность выбирали солнечную, окаймленную горами с севера и востока. Тело в белом саване, зашитом волосяными веревками, укладывали на землю на правый бок лицом к заходящему солнцу, накрывали белой тканью или бумажным листом с напечатанным буддийским текстом (*номын хунжэл*). Под голову подкладывали кирпичный чай, покрывали синим *хадаком*. Покойного ориентировали в сторону близлежащей горы или на север. Старейший бросал зерна в сторону покойника, разбрызгивал водку на четыре стороны, затем ее выпивали. После молитвы три раза обходили тело и уходили [Лхагвасурэн, 2013, с. 129, 131–132].

Наземное погребение бурят с возведением сруба (*мунхан*) было редким. О его существовании свидетельствуют материалы 1864 г. Баргузинской степной думы (ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1208). Б.Б. Бамбаев упоминает о наземном погребении в срубках (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 56).

Второй традиционный тип погребения рядовых бурят – кремация. Он более прост по сравнению с кремацией сакральных лиц. Несмотря на то что достоверные данные локализуются в Предбайкалье, есть осно-

вания предполагать бытование этого обычая на всей этнической территории. В 1760-х гг. М. Татаринов писал, что предбайкальских бурят обоюбого пола, одетых в лучшую одежду, обложив дровами, кремировали в лесу [Описание..., 1958, с. 20]. В конце XIX в. Е.Э. Сно отмечал кремацию у бурят [1904, с. 27]. М.Н. Хангалов пишет, что они имели обычай сжигать покойников без различия пола и возраста. По мнению исследователя, этот обычай постепенно сошел на нет и в конце XIX в. практиковался только в отношении шаманов [Хангалов, 1958а, с. 387]. Имеется обширный круг полевых материалов, свидетельствующих о кремации в настоящее время не только шаманов, но и рядовых людей в возрасте 70–80 лет и моложе в Эхирит-Булагатском, Боханском и Ольхонском р-нах Иркутской обл. Люди завещают предать их огню, считая, что он очищает от земных грехов и быстро отправляет к предкам [Нанзатов, Содномпилова, 2005, с. 54].

Кремация современных рядовых людей впервые выявлена на ольхонских материалах в конце XX в. Обряд *сэлмэдэг* (от слова «ясный, чистый») предоставляет душе тысячу лет жизни [Жамбалова, 2000, с. 293]. По убеждениям бурят, душа шамана или он сам в дыму костра поднимается на небо и ведет там приятную жизнь [Хангалов, 1958а, с. 390]. В XVII–XVIII вв. небогатых якутов сжигали с жилищем, а убитых вдали от родных мест кремировали, чтобы пепел доставить на родину [Гурвич, 1980, с. 97].

Забайкальских материалов о кремации простых людей на рубеже XIX–XX вв. немного. У окинских бурят зафиксировано ее сохранение до советского времени [Павлинская, 2002, с. 238]. В связи с распространением буддизма в Забайкалье кремация, как показано ниже, стала прерогативой лам и изредка знатных людей. Такая же картина у калмыков. Современные буряты, в т.ч. улан-удэнцы, нередко хотят быть кремированными [Басаев, 2011].

Грунтовое погребение (ингумация), наверно, было известно бурятам в дорусский период их истории. Отсутствие достоверных данных, вероятно, связано с тем, что в то время у них не было специальных кладбищ, могилы быстро зарастали. По мнению Б.Б. Бамбаева, в дорусский период так хоронили знатных людей для защиты богатого сопроводительного инвентаря (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 57). В XVII–XVIII вв. в грунтовых могилах погребали богатых якутов [Гурвич, 1980, с. 97], а у агинских бурят – асоциальных членов общества, самоубийц, преступников и черных шаманов [Цыденова, 2007]. О бурятских погребениях в земле свидетельствуют археологические материалы А.В. Харинского, который датирует их российским периодом [2006, с. 194–195].

Много письменных доказательств принуждения бурят к практике ингумации. Она распространя-

лась под давлением санитарных требований российской администрации и идеологических Русской православной церкви. Ламаистский обряд ингумации в 1860-х гг. описан Д.И. Стахеевым: могила мелкая, вокруг нее жерди, обтянутые веревками, к которым привязаны лоскутки с заупокойными молитвами (см.: [Мастюгина, 1980, с. 96]). С течением времени инновация прижилась, ингумация стала четвертым типом погребения рядовых бурят. Она отличалась малой глубиной могильной ямы, отсутствием гроба и пр. Постепенно установился новый тип погребальной обрядности – ингумация в гробу на кладбищах. Она окончательно закрепились в первой половине XX в. и сейчас доминирует на отдельных бурятских кладбищах.

Типы погребения детей

Специфика погребения детей у бурят связана с их особым социальным статусом. Имел значение возраст ребенка. Выделялись следующие возрастные группы: младенцы, дети до 3–5 лет и от 5 до 12 лет. В Предбайкалье после 12 лет детей привлекали к участию в обрядах погребения наравне со взрослыми [Хандагурова], а значит, и хоронили как взрослых. Традиционное погребение малых детей у бурят, как и у якутов и других народов, обусловлено представлением об их «недочеловечности», поэтому оно не оформлялось ритуально: не делали гроб, не копали могилу, не забивали поминальный скот и т.д. [Бравина, Попов, 1992, с. 161–162]. У бурят их смерть обозначали словом «потерялся» (*зэгдэ*), а про взрослых говорили «отправился в путь», «исчерпал свой век» (*мордохо, наһа бараха, наһанһаа нүгшэхэ*) и т.д.

Первый тип погребения детей – сакральное воздушное захоронение грудничков. Ребенка заворачивали в бересту, обвязывали конопляной веревкой и закрепляли на березе. Данный тип погребения связан с троичной моделью мироздания, культом мирового древа, где крона олицетворяет Верхний мир. Согласно верованиям бурят, оттуда детские души птицами улетают в мир иной, затем спускаются на землю и входят в лоно женщин. В Окинском р-не Республики Бурятии на рубеже XX–XXI вв. сохранялись следы такого погребения [Павлинская, 2002, с. 240].

Второй тип – кремация. На Ольхоне кремировали детей старше 3 лет. В 1840 г. двух утонувших мальчиков 3 и 8 лет на второй день «унесли в лес и сожгли по шаманскому обычаю» [Жамбалова, 2000, с. 292]. Р.И. Бравина и В.В. Попов предполагают, что у якутов детей кремировали [1992, с. 34, 162, 195].

Третий тип – наземное погребение, подразделяющееся на подтипы. Шаманистский обряд наземного захоронения подтверждает А.В. Потанина: «Детей

и теперь не закапывают, а закладывают гробик камнями» [1912, с. 25]. У ольхонских бурят такое погребение новорожденных называется *дарсалдаг* («скучивать, нагромождать») [Жамбалова, 2000, с. 295]. Дети до 3–4 лет считались существами иного мира, которые не уходят в мир мертвых, а получают новое воплощение в другом человеке. Поэтому по буддистскому обычаю, сохранявшемуся до 1930-х гг., ребенка оставляли на расстоянии слышимости стука чайной ступы [Галданова, 1987, с. 63]. К.М. Герасимова отмечала в Кижингинском р-не Республики Бурятии практику оставления покойных детей в степи [1969, с. 113]. В Кижингинском, Джидинском р-нах информанты утверждают, что до 1960-х гг. умерших до 2 лет детей заворачивали в мешочек, привязывали к телеге, везли в степь и, развязав веревку, «теряли». По полевым материалам, в советское время тела оставляли на земле в скалах в примитивном гробике *хантага*.

Четвертый тип – ингумация. Известно, что до 1960-х гг. детей до 3 лет хоронили в земле на задах двора у стайки. Этот пример контаминации, появления новой совокупности в результате смешения традиции и инновации не единичен.

Стереотипы погребения сакральных персон социума

Цель статьи не может быть достигнута без обращения к другой стороне общественной жизни – стереотипам погребения сакральных персон социума. Основные результаты исследования темы опубликованы [Жамбалова, Суворова, 2013, 2015]. Целостная картина, иллюстрирующая обе стороны развития, динамизм и стереотипность, создается благодаря проверенным и уточненным выводам этих работ. Здесь социальный стереотип понимается как закрытый для динамического движения универсальный механизм консервации и сохранения инвариантного устойчивого ядра культуры. Стереотипы захоронения шаманов и лам принципиально отличаются и друг от друга, и от типов погребения рядовых людей. Похороны шаманов и лам – строго регламентированное общественное мероприятие, имеющее важное социальное и мировоззренческое значение для социума.

Погребение шаманов у бурят обязательно сопровождалось меморизацией, исходящей из идеи культурного бессмертия. Это именны *сэргэ, обо, бариса*, символы мирового древа и культа предков [Жамбалова, 2000, с. 265–269]. Выявлено шесть стереотипов погребения шаманов, их постоянное, точное воспроизведение гарантирует жизнь социуму [Жамбалова, Суворова, 2013]. Одни из них больше распространены в Предбайкалье, другие в Забайкалье. Первый – воздушное (небесное) погребение, когда хоронят на помо-

сте (*аранга*), подвешенном на столбах или между деревьями в шаманских рощах. Оно изредка практикуется в настоящее время вдали от людских глаз. В 2011 г. информанты из Иркутской обл. видели листовенничные колоды, подвешенные на цепях к четырем деревьям в 1970–1980-х гг. Другие встречали листовенничные колоды на волосяных веревках [Там же, с. 136–137]. Информант А.А. Ванкевич в 2007 г. сетовала, что шаманская роща вблизи села, бывшая недоступной обывателям, десакрализируется. Интернет изобилует информацией о бурятских священных шаманских рощах, часто в рекламных туристических целях.

Следующие два стереотипа – это комбинации воздушного погребения с кремацией. Кремация шаманов, технологически и идеологически сложная, не практиковалась в чистом виде и сопутствовала воздушному захоронению на *аранге* или в дереве. Возможно, она появилась как уступка санитарным нормам для утилизации останков небесного погребения. Второй стереотип состоит из трех этапов: захоронение на помосте; после завершения сакральных дней кремация; захоронение специальным образом собранного праха в дереве. Место погребения называют *табуца* (место на горном перевале для подношения горным духам). В сосне выдалбливают дупло, куда помещают мешочек с пеплом. Дупло замуровывают, дерево становится шаманским [Хангалов, 1958а, с. 389]. В Баргузинском р-не Республики Бурятия и Иркутской обл. в советское время были шаманские кладбища. Тело шамана помещали на помост, через 49 дней останки кремировали [Ламаизм..., 1983, с. 133]. Третий стереотип – кремация шаманов с захоронением праха в дереве через сакральное время. Место проведения называется *шандан* (*шандару* – «белый пепел»).

Четвертый стереотип – захоронение на горах между камнями. Он вероятно, более распространен в Забайкалье. Инновация могла возникнуть в результате адаптации к условиям буддийского диктата. Об этом свидетельствует следующий рассказ. По велению забайкальских лам был сослан на Ольхон в Сарму селенгинский большой шаман *Шара-нохой*. Он умер на острове и был похоронен на *аранге* на горе Онтхой. Впоследствии его кости, по обычаю забайкальцев, сложили на земле и обложили камнями [Жамбалова, 2000, с. 215]. Здесь налицо совмещение двух типов погребения, воздушного и наземного, отдана дань предбайкальской и забайкальской традициям. Возможно, наземный способ погребения шаманов на горах, высоких сакральных местах был обусловлен распространением буддизма, когда кремация стала прерогативой лам. Пятый стереотип – погребение на неприступной скале, в горной пещере или специальном гроте. Шамана в его доспехах усаживают, вход закладывают камнями, оставляя просвет, необходимый для покойного [Живописная Россия..., 1895, с. 159].

По сути, все приведенные стереотипы – воздушные погребения. Они реализуют главную идею Вознесения: сакральное лицо возвращается в божественный мир. Так хоронили не только шаманов. Пораженных молнией, как избранников неба, подвергали воздушному погребению. Кузнецов, особо сакральных персон общества, чаще кремировали [Суворова, 2014, с. 22].

Шестой стереотип погребения носит противоположный характер. Это захоронение черных, а скорее, опасных для социума шаманов. М.Н. Хангалов пишет, что их души отправляют в Нижний мир или вовсе уничтожают ритуальными манипуляциями. Для страшных, чаще всего черных, якобы съедавших души людей, шаманов устраивали подземное погребение с применением осины. Их хоронили лицом вниз, чтоб они не смогли выйти на землю [Хангалов, 1958б, с. 484–485]. Ритуальное грунтовое погребение с применением осины известно сибирским народам и является автохтонным [Жамбалова, Суворова, 2013, с. 136].

Погребение и меморизация буддийских священнослужителей также стереотипны [Жамбалова, Суворова, 2015]. Они проводятся в соответствии с письменными канонами по буддийским книгам. Способ погребения зависит от завещания умершего и гадания, но в большей степени от ранга ламы в буддийской иерархии. Бывали случаи, когда простых лам погребали почти как ординарных людей на земле. Здесь они не рассматриваются. А.М. Позднеев подробно описал два стереотипа погребения перерожденцев (*хубилган*) Монголии: бальзамирование с последующей кремацией и бальзамирование с сохранением тела в состоянии мумии *шарил* [1993, с. 272–275]. В Бурятии институт перерожденцев не получил развития, поэтому эти стереотипы погребения здесь мало известны. Для данного региона первым стереотипом является кремация лам высокого статуса, но ниже ранга перерожденцев. Она практикуется до настоящего времени. Данный обряд проще, чем погребение перерожденцев, но намного сложнее, чем рядовых лам и ординарных людей. Усложнение технологии (специальные печи, использование большого количества топленого сливочного масла, сложные ритуалы и т.д.) обусловлено сакральностью ламы. Для всех буддистов России кремация является прерогативой лам, она воплощает обряд Вознесения. В Забайкалье кремация становится невозможной для мирян. В редких случаях ее добивались знатные люди. После погребения реализуется цикл обрядов по меморизации духовного лица. На следующий или третий день собирают прах, «драгоценность из драгоценностей». Места кремации в дальнейшем хороши для наземного погребения рядовых людей [Гомбожапов, 2006, с. 82]. Прах входит в массу для формования *ца-ца* – миниатюрных символов космического тела Будды. Прах

вкладывают в священные ступы, они нередко именные, посвященные отдельным ламам.

Другой стереотип – грунтовое погребение в специальном коробе, позволяющем поместить усопшего в позе медитации, с последующей эксгумацией, как правило, хорошо сохранившегося тела. За ней следует кремация и меморизация путем заложения праха в ступы. Можно выдвинуть две гипотезы. Стереотип предпочтителен для лам, владеющих тайными знаниями, «способных достигнуть» состояния вечной медитации *самадхи*. Можно предположить, что он возник в советское время: ламы считали, что после скорого завершения советской диктатуры смогут быть эксгумированы и по традиции меморизированы. Они как бы находились в ожидании прихода новой волны буддизма. Сейчас известны достоверные истории о ламах, захороненных в советское время по завещанию в земле и вернувшихся в виде святынь в постсоветское пространство путем эксгумации, кремации и возведения именной ступы. Их жизнь, смерть и историческая память легендарны. Ландшафты современного Забайкалья изобилуют ступами, а Предбайкалья – шаманскими атрибутами, важными для формирования этнической и религиозной идентичности социума, благоприятной витальной территории, ее туристической привлекательности.

Нетленное тело XII Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова – одна из святынь буддизма. Здесь важно акцентировать следующее. По представлениям буддистов, Хамбо-лама Д.-Д. Итигэлов не умер, а ушел в мир иной в 1927 г. по личному решению во время медитации в окружении лам, которых попросил читать нужные молитвы. После обрядов его поместили в кедровый короб и захоронили в земле. По завещанию его извлекали для контроля через 30 и 75 лет. В 2002 г. состоялась окончательная эксгумация. Сейчас Хамбо-лама Д.-Д. Итигэлов находится в Иволгинском дацане и, согласно буддийским верованиям, пребывает в состоянии медитации *самадхи*, контролируя свое физическое состояние.

Заключение

Типы погребения рядовых и сакральных людей принципиально различны. До кардинальных исторических событий, приведших к динамическим изменениям во всех сферах, для рядовых людей было характерно наземное погребение с покрытием и сопроводительным инвентарем и кремация. Они практиковались на всей этнической территории и возникли в результате адаптации к условиям среды обитания в соответствии с мировоззренческими установками. Санитарные требования Российской империи и Русской православной церкви обусловили постепенный пере-

ход к ингумации в гробу на кладбищах. Буддизм внес инновации, образованные перекомбинацией элементов традиции, поэтому они быстро укоренились.

Присоединение к России и распространение буддизма привели к появлению в Байкальском регионе двух субрегиональных общностей бурят, различающихся прежде всего религиозной принадлежностью, – шаманистов Предбайкалья и буддистов Забайкалья. Религиозная специфика проявляется и в погребальной обрядности. Выделились два подтипа наземного погребения, шаманистский и буддистский. В периферийных буддийских районах прослеживается контаминация. В Предбайкалье получила распространение кремация рядовых людей, в Забайкалье – наземное погребение без прикрытия, осуществляемое по буддистским правилам. Типы захоронения детей обусловлены их социальным статусом и возрастной группой: воздушное, кремация, наземное, грунтовое. Погребения сакральных персон социума стереотипны. Обязательна последующая меморизация. Выявлено шесть стереотипов погребения шаманов, пять из которых несут идею Вознесения, а один имеет противоположный характер. Захоронение буддийского духовенства проводится несколькими сложными способами. Социальная градация обусловила две линии развития погребальной обрядности бурят. Одна, профанная, характеризуется динамичностью, позволяющей этносу гармонично вписаться в глобальный мир. Другая, сакральная, стереотипна, закрыта для инноваций, что сохраняет традиционное ядро культуры, основу идентичности этноса. Обе линии обеспечивают сохранение и развитие бурятского социума в пространственно-временном континууме.

Принципиально новым в данной типологии является создание раздела о захоронении детей. Также выявлена невозможность воздушного погребения для рядовых людей, акцентировано наличие двух типов наземного погребения, шаманистского и буддистского, прослежена контаминация в периферийных буддийских районах в результате двоеверия. Внесены и другие коррективы.

Список литературы

- Басаев С.** Улан-Удэ нужен крематорий // Новая Бурятия. – 2011. – № 26. – С. 11.
- Бравина Р.И., Попов В.В.** Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 242 с.
- Галданова Г.Р.** Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 106 с.
- Герасимова К.М.** Ламаистский похоронный обряд в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири: мат-лы науч.-практ.

конф., 22–26 нояб. 1966 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – Вып. 2. – С. 112–122.

Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX в.: истоки и инновации. – Новосибирск: Наука, 2006. – 184 с.

Гурвич И.С. Похоронная обрядность: якуты // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 97–100.

Дьяконова В.П. Похоронная обрядность: Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 113–119.

Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.

Жамбалова С.Г., Суворова А.С. Стереотипы ритуальной погребальной обрядности бурятских шаманов // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 2 (34). – С. 132–143.

Жамбалова С.Г., Суворова А.С. О погребении и меморизации бурятских буддийских священнослужителей // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. – 2015. – № 2 (61). – С. 136–145.

Живописная Россия: Отечество наше в земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольф, 1895. – Т. 12: Восточные окраины России. – Ч. 1: Восточная Сибирь. – 323 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 318 с.

Именухов Н.В. Типология древнебурятских захоронений (к проблемам этногенеза бурят) // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. – Иркутск: Отгиск, 2010. – С. 21–32.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев, Г.Ц. Митупов. – Новосибирск: Наука, 1983. – 233 с.

Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы: Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 178 с.

Мастюгина Т.М. Похоронная обрядность: буряты // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 91–97.

Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Байтог: «Баруун буураһууд»: Исследование локальной группы бурят // Народы и культуры Сибири: Взаимодействие как фактор формирования и развития. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 47–54.

Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. – Улан-Удэ: Бурят.-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры, 1958. – 78 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1906. – 335 с.

Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор: (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). – СПб.: Европейский дом, 2002. – 263 с.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 512 с.

Потанина А.В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. – М.: [Тип. К.Л. Меньшова], 1912. – 62 с.

Семенова В.И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху Средневековья: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Томск, 2006. – 48 с.

Сно Е.Э. За уральским хребтом: сибирские инородцы. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1904. – 52 с.

Суворова А.С. Погребальная обрядность бурят (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2014. – 26 с.

Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири: Шаманство у бурят Иркутской губернии // Собр. соч.: в 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958а. – Т. 1. – С. 289–402.

Хангалов М.Н. Новые материалы о шаманстве у бурят // Собр. соч.: в 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958б. – Т. 1. – С. 403–543.

Хандагурова М.В. Участники погребально-поминальных обрядов усть-ордынских бурят: описание состава и ролевые функции: [Электронный ресурс]. – URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/turov/11.html (дата обращения: 30.04.2016 г.).

Харинский А.В. Погребальный ритуал ольхонских бурят в XIX – начале XX в. (по материалам могильника Елга XII) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Наука, 2006. – Т. 9. – С. 178–206.

Цыденова Д.Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти: традиции и инновации: конец XIX – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – 24 с.

Список информантов

Баранников Н.Р., 1943 г.р., бурят, с. Хохорск Боханского р-на Иркутской обл.

Ванкевич (Танганова) А.А., 1937 г.р., бурятка, род готол, с. Хохорск Боханского р-на Иркутской обл.

Галсанов Г.Д., 1948 г.р., бурят, род шоно-галзут, с. Кижинга Кижингинского р-на Республики Бурятия.

Доржитаров С.О., 1940 г.р., бурят, с. Верхний Торей Джидинского р-на Республики Бурятия.

Имеков П.В., 1962 г.р., бурят, с. Нурселение Иволгинского р-на Республики Бурятия.

Тугултурова Н.Б., 1922 г.р., бурятка, с. Могсохон Кижингинского р-на Республики Бурятия.

Материал поступил в редколлегию 02.12.16 г., в окончательном варианте – 01.02.17 г.